

ЭММА РУДКЕВИЧ

Бедная
СТУДЕНТКА.
Ты купил моё время,
НО НЕ МОЮ ВОЛЮ!

Эмма Рудкевич

**Бедная студентка. Ты купил
моё время, но не мою волю!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Бедная студентка. Ты купил моё время, но не мою волю! /

Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я приехала в элитную академию «Амбра» с грантом и мечтой создавать духи. В первый же день богатые студенты называли меня нищенкой. А потом Илья Веретенников предложил сделку:— Я оплачу операцию матери. А ты станешь моей послушной музой. Я подписала договор. Терпела унижения, запреты, чужие руки и насмешки. Пока не узнала, что моя семья связана с основателями академии, а мой редкий нюх нужен наследникам куда больше, чем они признают. Теперь я создам аромат, который заставит их запомнить моё имя. И рядом будет Мартин — единственный мужчина, который помогает, ничего не требуя взамен. Но отпустит ли меня тот, кто привык покупать всё?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эмма Рудкевич

Бедная студентка. Ты купил моё время, но не мою волю!

Глава 1

В «Амбре» я первым делом учуяла лак. Им покрывали пол, двери, наверное, даже эти блестящие перила. Где обещанные цветы? От мрамора тянуло сыростью, а от проходивших студентов — такими духами, что хотелось чихнуть. Я прикусила губу: только этого мне сейчас и не хватало.

Меня обходили с обеих сторон. Белые сорочки, шарфы, пальто, которые никто не застегивал, — здесь, похоже, не приходилось экономить на отоплении. Поддержала рюкзак повыше: его лямки натерли плечи еще в автобусе, но снять его посреди холла я стеснялась. Хорошо бы получить ключ, спрятать вещи и успеть на тест. Тогда можно будет подумать обо всем остальном.

— Стоять.

Охранник забрал мой пропуск и уставился на фотографию. От его куртки пахло «Примой». Он вскинул глаза на лестницу и снова посмотрел в документ, словно фотография за это время могла измениться. Пришлось оставить ладонь протянутой: верните, пожалуйста. Он ее не замечал.

— Даша Ковалева, грант «Северный ветер», курс первый, — произнесла я четко, стараясь не дрожать голосом. — Мне нужно получить ключи от общежития до начала экзамена по композиции.

Охранник хмыкнул, сканируя документ взглядом, а не считывателем. — Таких фамилий нет в списке приоритетных. Иди туда, откуда пришла. Или вызовем деканат для проверки документов.

Часы я проверила второй раз. Еще постоять здесь — и на тест меня уже не пустят. Потом придется звонить маме и объяснять, на что она полгода откладывала деньги. Ее конверт с билетом я до сих пор носила в кармане, хотя самого билета там давно не было.

— Вы слышите меня? — я сделала шаг вперед, вторгаясь в его личное пространство. Запах страха охранника стал резче, кислым. — Если вы не впустите меня, я буду кричать так, что услышит весь корпус.

Он поднял ладонь к моему плечу. Я приготовилась отступить, но за спиной засмеялась девушка. Охранник сразу убрал руку. Значит, кого-то здесь он все-таки пускал без проверки.

— Оставьте её, Глеб Сергеевич. Пусть проходит. Ей всё равно некуда деваться.

У Кристины Ланской даже пучок выглядел дороже моего пальто. Ни одной выбившейся пряди. «Chanel No. 5» я узнала сразу, а поверх был еще один аромат, незнакомый. Она прошла мимо, хотя места хватало на троих. Ее плечо ударило меня как раз в лямку рюкзака.

Я не успела подхватить рюкзак. Он упал, застежка лопнула, и тетради высыпались прямо под ноги студентам. Следом покатилась стеклянная баночка. Жасмин я собирала для нее все лето, по утрам, до жары. Наклониться я уже не успела.

Баночка разбилась.

Жасмин разлился по камню. Слишком густой запах для закрытого холла, да, я знала. Но вчера я открывала эту банку дома, и мама говорила: красиво. А здесь я видела чужие сморщенные носы и сама начинала стыдиться того, чем еще утром гордилась. Хотелось закрыть лужу ладонями. Как будто тогда они перестанут видеть, откуда я приехала.

Кристина остановилась и посмотрела вниз, на рассыпавшиеся вещи. Её туфли на высоком каблуке замерли в сантиметре от моих тетрадей.

— Боже, какой вонючий мусор, — протянула она громко, так, чтобы слышали окружающие студенты. — Это же запах бедности, девочки. Чувствуете? Тошнит.

Она подняла ногу и медленно, демонстративно наступила на верхнюю тетрадь. Бумага хрустнула, превращаясь в грязную кашу вместе с осколками стекла.

— Убери свой хлам немедленно, — приказала Кристина, глядя мне прямо в глаза. — Или я скажу ректору, что ты нарушаешь этикет и портишь эстетику зала своим видом. Ты же не хочешь быть исключена в первый же день?

За моей спиной остановились еще двое. Я слышала, как они зовут приятелей: смотрите, что тут. Кто-то поднял телефон. Помощи просить стало совсем противно. Даже если подадут тетрадь, сначала снимут, как я за ней тянусь.

Пришлось встать на колени. Через джинсы сразу пробрал холод. Я прижимала нижнюю губу зубами и думала о мамином конверте. Она вручила его так торжественно, будто я уже закончила академию. Полгода считала мелочью, чтобы я сейчас стояла здесь. Убежать? Потом смотреть ей в глаза и сказать, что я испугалась чужой туфли?

Сглотнув, снова наклонилась к полу: там еще оставалась моя тетрадь, и забирать ее за меня никто не собирался.

Крупные осколки я складывала в ладонь, мелкие пыталась собрать краем обложки. Палец зацепился за стекло; я отдернула руку и все равно взяла следующий кусок. Салфетку дать никто не предложил. Я бы попросила, если бы смогла произнести хоть слово, не разревевшись.

По запястью сбежала теплая капля. На светлом камне она была видна всем, в том числе парню, который спускался по главной лестнице. Он остановился возле нас. Я сначала увидела его ботинки, потом подняла голову.

Илья Веретенников.

Высокий, в черной водолазке. Такому бы разглядывать себя в зеркале, а он даже на телефоны вокруг не посмотрел. Кристина тут же расправила плечи. Еще секунду назад она давила мою тетрадь каблуком, а теперь стояла, сложив руки, почти примерная студентка.

— Папа сказал, что тут какая-то девушка устраивает беспорядок, — пропищала она, указывая на мои окровавленные руки. — Она разлила какую-то дрянь. Это невыносимо.

Он слушал Кристину, но смотрел на мою ладонь. Я разжала пальцы: в них оставалось стекло. Почему-то именно перед ним захотелось убрать его побыстрее. Не объяснять ничего, не показывать кровь.

Когда он наклонился, я учуяла древесину и кожу. Хороший парфюм, дорогой, без лишней сладости. Я против воли попыталась разобрать нижние ноты и тут же разозлилась на себя. Он смотрел, как я сижу на полу. Мне бы лицо ему запомнить, а я изучаю духи.

— Уборщик, — произнес Илья тихо. Его голос не повышался, но заставил всех замолчать. — Сотрите это. Пятна на историческом камне портят эстетику больше, чем нищета вокруг нас.

Он бросил на пол перед моими коленями пластиковую карточку. Ключ-карта от общежития.

— Твой запах перебивает аромат зала, Ковалева, — сказал он, глядя сверху вниз. В его глазах не было жалости, не было злобы. Только расчетливый интерес наблюдателя, заметившего необычное поведение подопытной крысы. — Учись быть незаметной.

Илья ушел, не дождавшись уборщика. Кристина догнала своих и захихикала уже в проходе. Я еще оставалась на коленях, но смотреть теперь было некому: все получили свое представление и разошлись по делам.

Я схватила карту. Руки тряслись, кровь пачкала пластик.

Глава 2

Ключ оказался от комнаты на четвертом этаже, в самом конце старого крыла. По дороге я дважды остановилась перевести дыхание. Лампа над дверью мигала, стены пахли сыростью, и я еще до того, как приложила карту поняла: обещания про комфортное проживание можно забыть.

Дверь заскрипела. Я придержала ее локтем и заглянула внутрь. Ободранные бурые обои, кровать, окно с москитной сеткой. Не так я представляла себе первый день, когда рассматривала фотографии на сайте академии.

— Новенькая?

У другой кровати сидела коротко стриженная девушка в растянутом свитере. Она пила чай из кружки со сколом. На мои пальцы посмотрела, на рюкзак тоже, но ничего не спросила. За это я уже была ей благодарна.

— Даша, — буркнула я, опуская сумку на пол. Пол скрипнул, предательски намекая на свою ненадежность.

— Катя, — ответила она, не поднимая головы. — Садись. Тут мыши едят учебники. Привыкай. Или учись спать с открытым ртом, если боишься потерять еду.

Подо мной жалобно скрипнула. Катя даже не обернулась: видно, привыкла. Над кроватью расплылось пятно от протечки; на трубе висели капли. Мама бы сразу сказала переставить постель. Подняв рюкзак с пола, посмотрела под кровать — вдруг и снизу вода?

Дома мы праздновали этот грант. Мама специально купила пирожное, одно на двоих. Теперь я сидела под мокрым потолком и не знала, что ей сказать. В академии есть новые корпуса; я проходила мимо них. Для меня почему-то выбрали этот. Может, рассчитывали, что я сама откажусь от места? Не дождутся.

Телефон завибрировал в кармане. Экран осветил темную комнату. «Мама».

Перед ответом пришлось выдохнуть и проглотить ком в горле: мама услышит, если заплачу. — Алло, мам?

— Дашенька! Ну как ты? Всё хорошо? Соседка видела, как ты вошла в ворота. Говорит, дворец, а не школа. Тебя уже накормили? Кровать мягкая?

Поджала ноги под кровать, убрала руки подальше от глаз. На потолке плесень, зато Катя пьет чай и не жалуется. Может, просто сказать про чай?

— Да, мама, — солгала я, чувствуя, как ком подступает к горлу. — Тут красиво. Очень красиво. Пахнет цветами. Розами и жасмином. Я лучшая ученица, меня уже заметили преподаватели. Не волнуйся.

Когда звонок закончился, улыбаться стало незачем. Я положила телефон экраном вниз и посидела с закрытыми глазами. Катя не полезла с расспросами. Только кружка тихо стукнула о подоконник. Мне хватило этого, чтобы снова подняться.

Затем я встала, подошла к раковине и включила кран. Вода потекла ржавая, но холодная. Я смыла кровь с рук. Посмотрела на отражение в тусклом зеркале. Глаза были красными, но губы сжаты в тонкую линию.

Грязь смывалась, порезы оставались. Значит, хоть с первым я справлюсь без разрешения Ильи Веретенникова.

На практический тест я всё-таки успела: Катя сунула мне пластырь и показала короткую лестницу. Я собрала скромную композицию из выданных веток и получила допуск к занятиям. В графе напротив моей фамилии стояло «зачтено». Эту строчку Кристина уже не могла раздавить каблуком.

За стеной что-то шуршало; из трубы капала вода. Я засыпала, снова просыпалась и всякий раз вспоминала стеклянную банку. Под утро открыла глаза еще до очередного шороха. В комнате пахло иначе.

Запах.

Сандал, амбра, черный перец. Я лежала неподвижно, пытаюсь понять, не приснилось ли. Но запах тянулся из-под двери. Такие духи сегодня были только у Ильи.

Поднявшись, тихо открыла дверь. Холодный линолеум липнул к босым пяткам. В коридоре никого; аварийная лампа делала стены зелеными. Я высунулась чуть дальше и осмотрела лестницу.

На подоконнике напротив моей двери лежал букет.

Розы лежали прямо напротив комнаты. Белые, крупные, перевязанные черной лентой. Я поискала карточку между стеблями, потом заглянула под букет. Ничего. Даже дешевые доставки оставляют имя, а здесь мне предлагалось догадаться самой.

Подошла к букету, присмотрелась к нижним лепесткам. Розы пахли густо; ближе к стеблям еще ощущались чужие духи.

На нижнем лепестке одной из роз сияла крошечная красная точка.

Капля крови.

Я не могла знать, чья она. Но после утра в холле даже чужая кровь на белом лепестке казалась посланием именно мне. Кто-то принес цветы к моей двери и не потрудились оставить имя.

У моей двери лежал подарок, а я даже взять его спокойно не могла.

Он знает номер моей комнаты. Вот что мне хотели сказать этими розами — по крайней мере, так я это поняла. В холле я надеялась больше никогда его не видеть. Теперь от него пахло даже здесь, где я должна была спать. Букет был красивый. От этого злило еще больше: мог же выбрать нормальный подарок, а выбрал способ напомнить, кто выдал ключ.

Я вытащила одну розу, стараясь не задеть порезы. Все равно укололась. Конечно, белая, без единого пятна, кроме той красной точки. Интересно, он правда ждет, что я побегу благодарить?

Я отрезала стебель ножницами для ногтей, которые лежали в тумбочке, и воткнула его в стакан с мутной водой из-под крана. Пусть цветет в дерьме. Я здесь останусь.

За верстаком номер четыре мерзла спина. Я натягивала водолазку вниз, но толку было мало: батарея осталась через три ряда, у занятых столов. Здесь сушили розы, и от старой краски пахло сильнее, чем от цветов. Лепестки рассыпались, стоило задеть. Мне досталась целая стопка таких, и я перебирала их, выбирая те, что переживут сборку.

Живот заурчал в тишине. Я прижалась к столу, будто это могло заглушить звук. Вчера съела половину яблока, а хлеб не взяла: Кристина подвинула его со словами «Подарок нищенке». Теперь мечтала именно об этом куске. Секатор подрагивал в пальцах. За плохой срез снимут с выставки, потом скажут, что грант дали зря. Маме об этом я еще не рассказывала. И рассказывать не собиралась.

На руках остались вчерашние порезы. Держать секатор трудно, особенно когда он качается вместе с кистью. Опора на верстак должна была помочь. Я уперла предплечье в край верстака и стиснула зубы. Жесткое дерево вдавилось в кожу. Дрожь не исчезла, но опора не давала секатору гулять из стороны в сторону. Я выдохнула сквозь зубы, чувствуя, как пот выступает на висках, и начала резать. Чик. Чик. Каждый стебель ложился идеально ровно. Под углом сорок пять градусов. Как учили в первой главе учебника.

— Осторожнее, Даша, ты поранишься, — голос Кристины долетел до меня, сладкий, как засахаренный яд. Она подошла незаметно, крадась между рядами верстаков, как кошка, играющая с мышью. На ней был идеальный белый свитер, ни пятнышка. Аромат дорогих духов заглушал запах гниющих роз в мастерской.

Я не подняла головы. Не смела. Просто продолжала резать. Чик.

Кристина ждала у моего стола. Пока молчит — можно сделать еще три среза. Я считала розы, раскладывая готовые отдельно: тридцать должно быть, не меньше. Не смотреть на нее было трудно. Казалось, отвернусь от цветов — она тут же тронет их.

— Ты игнорируешь королеву? — спросила она тише, наклоняясь ближе.

Чик.

Ее локоть ударил меня в плечо, когда я нажимала на ручки. Я сдвинулась, а левая рука со стеблем осталась на месте. Лезвие зацепило указательный палец сбоку, у ногтя. Секатор выпал на стол. Кристина успела отступить раньше, чем я поняла, что произошло.

Сначала я почувствовала, как мокнет палец. Потом заболит — это я уже знала, еще с холла. На розу упала кровь, и я отодвинула ее отдельно, пока остальные не запачкались. Только после этого посмотрела на порез. Слишком глубокий, чтобы просто облизать и работать дальше.

Кристина ойкнула, театрально закрыв рот рукой. — Боже мой! Даша, ты такая неловкая! Посмотри, что ты сделала! Ты испортила весь материал!

К нам повернулся весь ряд. Одни вытягивали шеи, другие сразу утыкались в свои розы. Кристина стояла так, чтобы преподаватель видел только ее белый свитер. Я сжала раненный палец в ладони. Крикнуть ее имя? Доказать, что меня толкнули? У нее уже готов рассказ про мои кривые руки.

Я сняла мамин шарф. Колючая пряжа цеплялась за кожу, зато других тряпок у меня не было. Обмотала палец, зажала узел зубами и подождала, пока перестанет капать. Подобрала секатор левой рукой. Боль мешала сгибать указательный, и я переставила пальцы на ручке, оставив его прямым. Стебель держала правой. Медленнее, зато можно было продолжать. Я не хотела подарить ей еще и место на выставке.

— Что здесь происходит?

Артем Сергеевич остановился за спиной Кристины. Я подняла секатор: пожалуйста, пусть сейчас не требует отложить работу. Преподаватель смотрел на красное пятно на шарфе, а Кристина уже открывала рот.

— Она поранилась, — быстро сказала Кристина, указывая на меня пальцем, чистым и ухоженным. — И испачкала образцы кровью. Это антисанитария! Она может заразить всех нас какой-нибудь инфекцией. Вы должны отправить её в медпункт. Или домой.

Он перевел взгляд с повязки на стол. Я успела отодвинуть испачканную розу и показать чистые срезы. Артем Сергеевич задержался на них чуть дольше. Может, хотя бы работу он оценит без ее подсказки.

— Покажите результат, Ковалева, — приказал он. — Если хоть один срез будет неровным, вы исключены из списка участников выставки.

Я снова взяла секатор. Указательный держала прямым, чтобы не задеть порез, ручки сжимала остальными пальцами. На каждую розу теперь уходило вдвое больше времени. Срез, положить отдельно, проверить, не капает ли кровь. Если преподаватель захочет придраться, у него будет сколько угодно поводов. Ровные стебли — единственное, что я пока могла ему предъявить.

Все тридцать лежали передо мной. Длины совпадали; я выровняла концы по кромке стола и убрала две испачканные розы из чистой стопки. Страшно было даже дышать на них, пока Артем Сергеевич проверял результат.

Он взял розу с края, потом из середины. Осмотрел срез и положил обратно. Я следила за его пальцами. Ни одного цветка он не отбросил — значит, выдержала. Хотелось услышать это вслух, но он уже отворачивался.

— Продолжайте работу. И ты, Ланская, перестань мешать процессу своим присутствием.

Кристина покраснела. На этот раз ее одернули при всех, и она никак не могла решить, ответить или проглотить. С лестницы слышались шаги. Кристина оглянулась, и я тоже: вдруг сейчас найдет кого-нибудь, кто вернет ей последнее слово.

Глава 3

В дверях появился Илья. Я заметила часы на его запястье и сразу отвернулась к столу: хватит на сегодня разглядывать дорогие вещи. Он шел именно ко мне. Даже издалека было видно, что повязку он уже заметил.

Студенты отходили от его пути. Артем Сергеевич стоял рядом, но Илья даже не задержался поговорить с преподавателем. Кристина попыталась преградить ему путь. — Илья, она грязная! Она вся в крови! Ты можешь заразиться!

Он обошел Кристину, не отвечая, и остановился у верстака. Я выпрямилась. На глазах у курса мне меньше всего хотелось показать, как сильно болит палец. Илья посмотрел на шарф, потом взял взглядом всю стопку роз — как будто считал.

— Срезы почти одинаковые, — произнес он тихо. Его голос был низким, вибрирующим в воздухе. — Для человека с одной рабочей рукой и рассеченным пальцем это выше среднего уровня выпускников прошлых лет.

Кристина ахнула. — Ты защищаешь эту бродяжку?!

Илья медленно повернул голову к ней. Кристина отступила от моего стола. Он произнес ее имя без улыбки. — Уйди, Кристина. Или я объясню твоему отцу, почему его дочь устраивает цирковые представления в учебное время.

Ланская развернулась и выбежала из мастерской, хлопнув дверью так, что звякнули стекла.

Илья снова посмотрел на меня. Он протянул руку и взял одну из моих роз. Аккуратно, двумя пальцами. Он осмотрел место среза, затем опустил взгляд на мои окровавленные инструменты. — Убери мусор. Выйди в коридор. Нам нужно поговорить.

Я сунула секатор в карман фартука и пошла за ним. Не потому, что хотела разговаривать; он встал в дверях и ждал. В коридоре стало легче дышать. Илья остановился у окна. Внизу качались голые ветки, а я искала, куда спрятать испачканный шарф.

— Ты думаешь, это героизм? — спросил он, не оборачиваясь. — Резать цветы одной рукой, истекая кровью, чтобы доказать свою правоту? Это не стойкость, Даша. Это грязное упрямство нищеты. Когда тебе нечего терять, ты готов рисковать всем ради копеечной победы.

Я встала за его спиной. Почувствовала запах его одеколона — сандал и табак, дорогой и резкий. — Ваши руки чистые, Илья, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Вы никогда не узнаете цену цветку, который стоит жизни. Вы видите только эстетику. Я вижу выживание.

Он повернулся от окна. Я приготовилась к наказанию за дерзость, но Илья только рассматривал меня. До этого интересовался одним шарфом. — Цена цветку равна нулю, если его никто не купит. А тебя никто не купит, Ковалева. Ты слишком дешевая.

— Может быть, — я выпрямила спину, несмотря на боль в пальце. — Но я не продаюсь за ваши привилегии.

Прежде чем он успел ответить, дверь мастерской открылась. Кристина вернулась, но уже не одна. За ней шли несколько девушек из её компании, достав телефоны. Они направляли камеры на меня. — Смотри, какая трагедия! Стипендиатка режет себя, чтобы привлечь внимание ректора! — крикнула Кристина в микрофон телефона. — Это патология! Никогда не берите пример с этой мрази!

Я поднесла руку к лицу, но шарф был в крови — только размазала бы ее по щеке. Тогда опустила голову, надеясь, что камера не возьмет глаза. Мартин Гром шел по коридору с контейнером земли. Его шрам я видела раньше, а сам он обычно проходил мимо быстрее, чем успевали начать шептаться. Сейчас остановился возле нас.

Он посмотрел на телефоны, потом на мою повязку. Контейнер оставался у него в руках. Я почему-то очень боялась, что сейчас он тоже пройдет дальше.

Мартин поставил землю на пол. Вынул из кармана пакет с бинтом и мазью, положил на подоконник так близко, что мне оставалось протянуть руку. Ничего не сказал — ни «бедняжка», ни «сама виновата». Подхватил контейнер и ушел. Я смотрела вслед, не зная, надо ли его догонять и благодарить.

У девушки с телефоном опустилась рука. В записи теперь была не только моя кровь, но и этот пакет. Кристина заметила, что на нее перестали смотреть, и поджала губы. Хотя на минуту мне удалось перевести дыхание.

Илья посмотрел на пакетик. Потом на меня. Его челюсть сжалась так сильно, что желваки выступили на лице. Он сделал шаг ко мне и резко схватил бинт с подоконника. — В «Амбре» помогают только те, кто платит за привилегии, — процедил он, и его голос был тихим, страшным шепотом. — А ты не заплатила.

Он сунул бинт мне в грудь, потом вырвал его обратно и швырнул в ближайший мусорный бак. Пластик хрустнул. — Ты останешься здесь, — сказал он, указывая пальцем на закрытую дверь мастерской. — До темноты. Переделай всю партию. Вручную. Без секатора. Если хоть один лепесток будет поврежден — твой грант аннулируется. Прямо сейчас.

— Но... — начала я.

— Марш внутрь.

Я вошла обратно. Студенты собирали вещи, кто-то поспешно прятал телефон. Когда последний вышел, Илья захлопнул дверь и повернул ключ. Мигала одна из ламп. Я стояла возле стола и слушала, не вернется ли кто-нибудь. За дверью становилось все тише.

Секатор оставался в кармане. Достать — и Илья скажет, что я ослушалась. Я потрогала старые узлы на сухих стеблях: здесь можно надломить, здесь придется спрятать конец под крепление. Больше никакого инструмента у меня не было. Хорошо еще, что цветы сухие.

Повязка давила. Я ослабила узел и тут же затянула обратно: без него больнее. Очень хотелось лечь, пусть хоть на пол, и чтобы никто ничего от меня больше не требовал. Но ведь мама позвонит вечером. Буду лежать тут, а она решит, что я занята учебой и все хорошо.

У Ильи был ключ, у меня — эти розы. Он вернется и увидит либо работу, либо меня в слезах. Второе ему наверняка понравится больше. Я придвинула стул. Пусть сначала попробует найти, к чему придраться в композиции. На слезы у меня еще будет время, когда отсюда выпустят.

Я надломила первый стебель у узла. Листья посыпались на фартук. Больной палец держала в стороне, но шипы все равно цепляли остальные. Приходилось поворачивать каждую розу, искать, где она поддастся. Дернуть посильнее хотелось ужасно — только тогда рассыплются лепестки, а этого Илья и ждет. На столе стало тесно от готовых стеблей. Я переносила их по одному в композицию и закрепляла надломленные концы так, как учил отец. Неровность уходила под обмотку. Пусть Илья думает, что без секатора я ничего не могу: здесь решала не цена инструмента. Я поглядывала на дверь. Руки грязные, шарф красный, зато розы стояли как надо. Чуть поправить правую — и хватит. Еще раз надломить не получится, она слишком хрупкая.

За окном потемнело. Часы я проверяла, пока не надоело считать оставшееся время. Теперь хотелось закончить раньше, чем совсем перестану стигать пальцы. Я поднимала каждую розу обеими руками, хотя раньше управлялась одной.

Последнюю розу удалось закрепить со второй попытки. Я опустилась на стул и разжала ладони. На коже засохла кровь вперемешку с пылью; двигать пальцами было неприятно, но хоть ничего больше не требовалось держать. Я смотрела на композицию и боялась, что кто-нибудь снова ее разберет.

В замке повернулся ключ. Я сразу потянулась к готовой работе: подниму, покажу, не дам ему первым увидеть мою повязку. Илья вошел и остановился. Он смотрел на стол, не на меня. Я успела сосчитать до пяти, пока он наконец поднял глаза.

Он сделал шаг внутрь. Потом второй. Остановился напротив меня. — Продолжай, — сказал он одно слово.

Я не потянулась за новой розой. — Партия закончена. Поставьте допуск. Он задержал на мне взгляд, затем открыл журнал на краю верстака. Галочка рядом с моей фамилией далась ему куда тяжелее, чем приказ. В медпункт я пошла с допуском в журнале — и с пальцем, который наконец нормально перевязали.

Потом я вспомнила его «продолжай». Он рассчитывал найти меня совсем другой. А допуск все-таки поставил. Мне хотелось верить, что теперь оставит в покое, но после бинта в мусорном баке надеяться на это было глупо.

Глава 4

Телефон то и дело гас. Я будила экран большим пальцем, каждый раз промахиваясь по нужной кнопке. До зарядки оставалось добраться в комнату, но там Катя — спросит, что я делаю, и я, наверное, разревусь. С подоконника в коридоре отправляла свои формулы на биржу: «Дождь после грозы в деревне», «Мамина кухня», «Первая любовь». Названия мне уже самой казались глупыми. Пусть купят под любым другим, только бы купили.

В ответ присылали отказ или вовсе молчали. Один написал: «Слишком дешево для элиты». Я прочитала дважды. Можно же продавать дороже, разве нельзя? Но в следующем письме спросили диплом и сертификат лаборатории. Академия пока дала мне лишь ключ от сырой комнаты. До клиники нужно было найти пятьдесят тысяч. Я пересчитала наличные, хотя прекрасно знала, сколько там: на дорогу, но не на обследование с операцией.

Я забрала куртку и побежала к куратору. Порезанные пальцы не гнулись в кулак, и рукав на ходу все время цеплял повязку. «Учись терпеть», — сказала мне Кристина. Очень удобный совет от человека, которому ничего терпеть не приходится.

У Виктора Андреевича было тепло. От батареи пахло табаком; я вспомнила наш холодный коридор и еще сильнее разозлилась. Куратор перелистывал журнал. Я остановилась у стола, дожидаясь, пока заметит. — Мне нужна внеплановая выплата стипендии, авансом. Моя мать... — Регламент, Ковалева, — перебил он сухо, перелистывая страницу так громко, будто это было решение суда. — Вы нарушили этикет зала во время экзамена. Ваша репутация стоит меньше, чем ваши слезы. Ожидание — часть обучения. Если бы вы не пытались прыгнуть выше головы, сейчас бы не стояли здесь, унижаясь перед администрацией. — Ей нужна операция! Я не могу больше ждать! — мой голос сорвался на визг, но внутри всё замерло. Страх сменился ледяной яростью. Он поднял голову. Я уже открывала рот, чтобы назвать сумму, но он заговорил первым. — Идите. Не мешайте работать.

В коридоре я остановилась, чтобы поправить шарф. Виктор Андреевич уже шелестел журналом за дверью, будто я к нему и не приходила. Значит, услышал про маму, понял — и продолжил перелистывать страницы. На повторную просьбу у меня не хватило бы голоса.

Кристина ждала у лифта с целой компанией. Неужели ей совсем нечем заняться? Я протиснулась к кнопке, а она встала перед дверями. — Признайся, что ты всё устроила сама, грязная нищенка. Извинись перед всем курсом. На коленях. У двух девушек уже были включены камеры. Кристина смотрела на мои колени, словно выбирала ракурс. Я посмотрела на часы: до отмены записи оставалось два часа. Выяснить с ней отношения не было времени. — Пропусти. Она не сдвинулась. Я повернулась боком, протиснулась между ней и приятельницей, задев обеих плечами. Посыпались возмущенные голоса. Пускай жалуются, снимают, обсуждают. Сейчас мне нужна была больница, не их одобрение.

Лифт поднялся с минус первого этажа. Двери распахнулись, и я шагнула внутрь, чувствуя, как спина становится мокрой от холодного пота. Камеры не было. Только зеркала, искажающие фигуру, и запах металла. В щель между дверями просунул ладонь Илья. Лифт открылся снова. Я отступила к зеркалу, освобождая ему место. Он посмотрел на часы — тоже торопится, надо же. Мне бы сейчас такого же важного вида, тогда и куратор, может быть, выслушал бы. — Порча исторического камня в холле, — начал он ровно, будто обсуждал погоду. — Уборка, восстановление покрытия. Плюс испорченные материалы в мастерской. Итого: двести тридцать тысяч рублей. Или полиция. Исключение. Пожизненный бан. Я ухватила за поручень. Откуда взялась эта сумма? Почему за разбитую Кристиной банку платить должна я? — Ты знаешь про маму, — это не был вопрос. Он взглянул на меня, словно это слово — «мама» — я произнесла по расписанию. До этого ни разу не спросил, зачем я еду. — Я знаю всё, Даша.

И я могу решить эту проблему. Прямо сейчас. За пять минут. — Цена? У него чуть поднялся уголок рта. Цена уже придумана, стало понятно, но почему-то пока не называл. — Входим.

На служебном этаже Илья вышел первым и велел мне идти за ним. В кабинете пахло кожей кресел и свежей бумагой. Ректор был в командировке, но Илья сел на его место без колебаний. Я осталась стоять. Теперь ему даже не нужно смотреть сверху вниз: стол и кресло уже все объясняют. — Условия просты, — он бросил на стол лист бумаги. — Ты становишься моим эмоциональным контейнером. Присутствуешь на моих закрытых встречах. Улыбаешься, когда я скажу. Слушаешь мои жалобы на глупость мира. Не споришь. Не плачешь. Не проявляешь собственных эмоций. Ты будешь зеркалом, в которое я смогу смотреть, не видя там себя. — Это рабство, — прошептала я. — Это сделка, — поправил он. — Твоя мать уже в очереди на платную клинику. Деньги решают всё, Даша. Даже то, кто ты есть. Подпиши, и ты получишь конверт. Не подпишешь — завтра утром она будет выписана домой, чтобы умереть в своей постели. Я прочитала начало: «Я обязуюсь». Улыбаться на встречах, выслушивать, оставаться спокойной. Если нарушу — выплаты прекращаются. Ручку он положил прямо возле моей ладони, мне даже тянуться не надо. Я представила маму утром в клинике и взяла ручку. Подписывая, смотрела только на место для фамилии. Если начну еще раз перечитывать, не смогу закончить. А мне нужно, чтобы деньги появились сегодня. Илья забрал подписанный экземпляр, выдал мне второй, затем развернул конверт и положил его передо мной. Толстая пачка купюр. — Это на обследование и дорогу. За операцию переведу клинике, — сказал он. Я пересчитала деньги и при нем написала маме: «На обследование хватит. Запись не отменяй». Пусть он покупает мое молчание, но сначала выполнит свою половину сделки. Запах денег смешивался с запахом его одеколона — тяжелый, древесный, удушающий. Сандал, табак и что-то еще, чего я не могла определить. Горечь.

Ресторан «Гранд» встречал нас хрустом бокалов и шепотом богатых наследников. Илья привел меня сюда сразу после подписания. Первая проверка. Мы сели за круглый столик. Напротив — трое молодых людей в костюмах, которые стоили больше, чем годовой бюджет моей семьи. Один из них, рыжий парень с цепочкой на шее, обвел меня взглядом, задержавшись на дешевых туфлях. — Новая игрушка, Илья? — хмыкнул он. — Пахнет бедностью и дешевым мылом. Ты всегда любил экзотику, верно? Я зажала край скатерти. Могла бы дернуть — посуда посыплется прямо на его дорогой костюм. Рыжий ждал ответа, остальные улыбались. Я еще никогда не хотела бросить человеку бокал так сильно. В сумке лежал мой экземпляр договора. Спокойствие за деньги, только что подписала. Значит, сейчас проверяют, стоит ли платить. Илья резал стейк. Подождал с вилкой, пока я посмотрю на него, и чуть повернул голову к рыжему. Отвечай, значит. Я разжала губы. Улыбнуться получилось плохо, но разглядывать себя со стороны сейчас было не время. — Я привыкла к разным мнениям. Произнесла и сама захотела исчезнуть. Как будто они обсуждают не меня, как будто я вправду решила посидеть среди людей с другим мнением. Илья снова взялся за вилку. Рыжему хватило моего ответа, он засмеялся и переключился на другую тему. Мне оставили стул за столом. Я смотрела на свой прибор и думала, что никогда не смогу рассказать маме, как получила деньги на ее обследование.

У машины я переложила конверт глубже в сумку, под тетради. Он еще не оплачивал всю операцию, но за эти деньги мама хотя бы сохранит запись. Илья приблизился; я отступила к двери, зацепив ее каблуком. — Ты пахнешь отчаянием, Даша, — сказал он. — Это самый дорогой аромат в мире. Не смей терять его. Я смотрела на него и не находила ответа. Он же прекрасно знает, почему мне страшно. Сам выслушал условия, сам дал деньги. Чего еще ему нужно — чтобы я благодарилась с правильным выражением лица? От его голоса стало еще противнее, чем от насмешек за столом. Там хотя бы не притворялись, будто замечают во мне что-то особенное. А он называл особенным именно то, от чего мне хотелось избавиться.

Илья высадил меня во дворе академии и уехал. Я прислонилась к стене, потом сползла вниз, не глядя, сухо ли под ногами. Конверт оставался в сумке. Завтра мама поедет в клинику, а я снова буду улыбаться людям за его столом. Сейчас бы хватило сил подняться и переодеть мокрые джинсы. За розарием шевельнулся человек. Я узнала Мартина и отвернулась: еще один свидетель мне был совсем не нужен. Но он подошел только на два шага. — Довести до общезнания? Я качнула головой. Мартин поставил рядом воду и отошел. Бутылка была закрыта. Я долго возилась с крышкой, пока наконец отвинтила здоровой рукой. Вода обычная, теплая, ни за что не надо благодарить улыбкой. Я пила и смотрела, куда он ушел.

Глава 5

В примерочной я старалась стоять подальше от Кристины, но зеркало показывало ее, куда ни повернись. Она держала шампанское над самой моей сумочкой. Я переставила сумку за спину. Кристина проследила за движением и улыбнулась: заметила, что я ей не доверяю, и была довольна.

— Ты пахнешь страхом, Даша, — шепнула она, наклоняясь ближе. Её губы почти коснулись моего уха. — И дешевым мылом из общежития для стипендиатов. Это не сочетание для «Амбры».

Черное платье мне подходило. Это было самое обидное: я нравилась себе в нем, пока не вспоминала, кто его купил. В сумочке лежал договор. За плач и споры Илья мог прекратить выплаты, а клиника ждала платежа. Я держала спину и представляла, как мама утром собирается на обследование. Еще один вечер. Я выдержу один вечер.

Кристина повернула бокал, как будто ей помешали пройти. Шампанское попало мне на грудь. Она сразу отдернула руку, слишком быстро для случайности. На черной ткани расплывались мокрые разводы.

За дверью засмеялись девушки. Я чувствовала, как шампанское стекает по коже, и хотела одним движением опрокинуть остаток ей на голову. Вместо этого достала платок, выданный вместе с платьем. Удобно придумано: и наряд на чужие деньги, и чем вытирать унижение — тоже.

Я промокала ткань по краям, стараясь не размазать пятно. Мама всегда ругалась, если я начинала тереть сразу. Сейчас быгодились ее руки: мои дрожали. Кристина ждала перед зеркалом, но я упорно смотрела на платье. Пусть не дождется хотя бы моих слез.

Я убрала платок, не опуская глаз. Кристине пришлось первой отвернуться: жаловаться на мое молчание было некому.

В зале шумела музыка. Я шла к свободному месту, держа сумочку перед мокрым пятном. Люди оборачивались, и я слышала за спиной: «Это его?» Никто не называл меня по имени. Будто вместе с платьем я получила новую фамилию, только не человеческую.

Когда я проходила мимо группы первокурсников, кто-то протянул руку к моему запястью. — Покажи метку владельца, — прошептал парень с наглыми глазами. — Где татуировка? Или ошейник?

Меня толкнули в плечо. Еще один парень потянулся к шее, разглядывая кожу. Я отшатнулась и уперлась спиной в кого-то сзади. Пальцы у парня были влажные; после его прикосновения хотелось вытереть шею. Но руки заняты, места нет. Я уже собиралась крикнуть, чтобы отступили.

Каблук зацепился за ковер. Я пыталась удержаться, но локоть, за который могла ухватиться, исчез. Коленями ударились об пол. Кто-то разбил бокал, вино потекло под платье. Смеялись теперь громко, не прячась. Я смотрела на осколок возле ладони: только бы опять не порезаться.

Мокрый ковер пах кисло. Я оперлась на ладонь и сразу убрала ее с разбитого стекла. Подняться требовалось без помощи — передо мной уже держали телефон. Кто-то сверху сказал: «Не двигайся». Чтобы снять удобнее. Тут я вспомнила маму в больничном коридоре и разозлилась так, что смогла встать.

Юбка прилипала к коленям. Я отряхнула ее, хотя вино от этого, конечно, не исчезло. Парень, смеявшийся громче всех, протянул руку. Поздновато спохватился. Я прошла мимо, не взявшись, и оставила ему стоять с этой красивой позой. Мне хотелось добраться туда, где никто не лезет пальцами к шее.

Илья появился оттуда, откуда я меньше всего ждала. Из тени колонны. Он осмотрел мокрое платье, сумку в руках. Остановился так близко, что я не могла пройти мимо, и спросил: — Ты позоришь меня или себя?

Я едва не спросила, куда он смотрел, когда меня толкали. Ведь все это происходит возле него, на его вечере. Он еще и требует объяснений с меня. Но если начну говорить, голос сорвется, а договор лежит в сумочке. Я нашла его взгляд и произнесла только то, что сумела произнести ровно.

— Я выполняю условия договора, — сказала тихо, четко, артикулируя каждое слово. — Ты заказывал послушную куклу, Илья. А получил живую рану. Не путай одно с другим.

Он уже собирался ответить, но остановился. Я заметила это по его губам: открыл рот и передумал. Значит, услышал. Хоть одну фразу мне удалось ему оставить, а не проглотить самой.

В этот момент охранник, здоровенный мужик в черном костюме, схватил меня за локоть. — Нарушение этикета, — прошипел он. — Нужно вывести.

Я попыталась освободить локоть. Стоило охраннику сказать «нарушение», как все вокруг получили оправдание своим смешкам. Теперь выставят меня из зала и напишут, что сама устроила скандал. Именно такого пункта в договоре я боялась: его можно подставить под что угодно.

Илья взял охранника за запястье и отвел его руку от моего локтя. Я сразу подтянула сумку ближе к себе, пока никто снова не схватил. Илья сказал охраннику: — Она моя проблема. Я решаю, когда её убирать.

Охранник отдернул руку, опустив взгляд. Кристина, наблюдавшая за этим из первого ряда, побледнела. Она попыталась перекрутить ситуацию, подойдя ближе с фальшивой улыбкой: — Илья, она сама спровоцировала драку! Толкнула меня бокалом, я едва не упала! Все видели...

Илья достал телефон. Кристина тут же перестала улыбаться. Я не видела экран и не знала, есть ли там запись камер. Но над дверью висела одна, прямо над тем местом, где на меня пролили шампанское. Кристина тоже подняла на нее глаза.

Он повернулся к Кристине, и его голос стал тише, но опаснее, чем раньше. Я увидела, как она отодвинула от него бокал. — Если ты еще раз коснешься того, что принадлежит мне, я куплю компанию твоего отца и закрою её завтра. Уходи.

Она ушла. Все видели, как ей велели уйти, и ни одна из подруг не последовала за ней сразу. Меня это должно было обрадовать. Но Илья только что назвал меня своей вещью, а я стояла и позволяла ему говорить за меня. От этой защиты потом еще придется отмываться.

Он повел меня через служебную дверь. В пустом коридоре я наконец расправила пальцы на сумочке: так и держала их сжатыми после падения. На балконе стало холодно, но хоть никто не снимал. Из сада пахло мокрыми розами.

Я ждала, что теперь он начнет выговаривать за мою реплику. Или заставит отрабатывать эту защиту — еще дольше сидеть на встречах, улыбаться, молчать. В договоре достаточно расплывчатых строчек, и он знает, как их повернуть.

Вместо этого Илья снял пиджак и набросил мне на плечи. Я поймала полы обеими руками, спрятав мокрую ткань. Тепло было такое хорошее, что я почти сказала «спасибо». Почти. Он-то сухой, а я еще буду стирать чужое вино.

Илья закурил. Огонек сигареты вспыхнул во мраке, освещая его профиль. Резкий, хищный, красивый. — Ты была хороша сегодня, — сказал он, глядя на городские огни далеко внизу. Голос был ровным, без эмоций. — Не потому что красива. А потому что не сломалась. Мне это нравится.

Я подтянула воротник к щеке. Пиджак пах его телом, и мне нравился этот запах — как назло. Вот сейчас он может выглядеть заботливым. Ему даже стараться не надо: после пола и

чужих рук достаточно дать мне согреться. Но завтра он снова посадит меня за стол и станет проверять, сколько я выдержу. Я не должна забывать, кто и зачем привел меня сюда.

— Запомни этот вкус, Даша, — сказал он, не оборачиваясь. Он затушил сигарету о каменные перила балкона. Искра упала вниз, в темноту сада, где темнел розарий. — Соль на рану. Так пахнет власть.

Он положил два пальца мне на шею. Я замерла, потому что там еще горело место от чужих прикосновений. Илья нашупал пульс, задержал руку. В зале он мог просто приказать убрать меня, а вывел на балкон и дал пиджак. Я стояла рядом и ненавидела то, что это казалось мне почти заботой.

Ветер шевелил волосы. Я закрыла глаза и прижала полы пиджака крепче, позволив себе минуту не мерзнуть. За это не обязательно любить человека, сказала я себе. Но заставить тело поверить оказалось труднее.

Глава 6

У Ильи в договоре даже молчание было расписано по пунктам. А вот что делать с руками, если они болят всю ночь, — нет. Я ворочалась, прятала ладони под одеяло, доставала обратно. От повязки кожа зудела; казалось, в комнате совсем нечем дышать.

Батареи снова остыли. Я вышла из комнаты босиком, чтобы не разбудить Катю, у лестницы надела ботинки и куртку. Хотела пройтись в саду. Там хотя бы можно постоять одной, не отвечать, почему плачу, и не слушать, как за стеной обсуждают чужие наряды. Палец болел со вчерашней практики. Днем удавалось забывать, а ночью я считала каждое биение под повязкой.

У выхода новый охранник перегородил мне дорогу. От куртки пахло табаком, который он явно пытался перебить чем-то сладким. — Пропуск с отметкой ректора. У меня такой отметки не было. Покидать территорию после отбоя запрещали, но ведь сад оставался на территории. Я посмотрела мимо его плеча на дверь, а он лишь удобнее встал. — Вы курили на рабочем месте? — спросила я. — Что? — За зданием. Там камера. Если будут проверять... Я сказала это, как будто уже видела запись. Табак действительно пах слишком свежо, и охранник почему-то проверил карман. По одному запаху я не могла бы доказать ничего, зато он этого не знал. — Мне нужно пройти в сад. Вам нужно закончить смену без замечаний. Дверь приоткрыл студент со стороны лестницы. Охранник повернул голову, и я проскочила мимо. Подождала уже на улице: окрикнет? Он выругался, но за мной не пошел. Теперь хотя бы пять минут будут моими.

В саду листья липли к подошвам. Я специально шла по самому заросшему месту, где ничего не выставляют на оценку. Сорнякам все равно, во что я одета. Тут можно было вдохнуть и не узнавать чей-нибудь дорогой парфюм. Я зацепилась рукавом за старую сетку. Потянула — проволока царапнула предплечье возле повязки. От неожиданности я вскрикнула. Конечно, только этого мне и не хватало. Села на корточки и прижала рукав к ране. Земля под свободной ладонью была холодная, мокрая. Я старалась дышать через нос: вот мох, вот гниющие листья, ничего страшного. Только разорвала рукав. Только снова кровь. За сеткой светилась теплица; я поднялась и пошла к ней, придерживая руку.

В трех рамах теплицы вместо стекол была натянута пленка. У входа шевелилась от сквозняка. Я толкнула дверь и сразу учуяла ночные фиалки: внутри оказалось тепло. От этого ноги почему-то совсем ослабли. Я опустилась на порог и несколько секунд не понимала, где нахожусь. Мартин подошел с аптечкой. — Тише. Я прижалась спиной к стеллажу. Он потянул руку, чтобы посмотреть рану, а я оттолкнула его. — Не трогай! Илья увидит. Скажет, что ты меня трогал. Нельзя. Мартин остановился. Мне самой было стыдно за этот испуганный голос. Он помогает, а я кричу на него. Но слов обратно уже не забрать. — Я не трону без разрешения. Только рану надо промыть. Он поставил открытую аптечку на стол, сел возле меня, оставив место между нами. Не торопил. Я глядела на его колени, на землю, высохшую на ботинках, и ждала, когда начнет объяснять, какая я глупая. Вместо этого он стал читать стихи. «Росток пробивает асфальт, Скручивая бетон в узел. Он не знает слова 'нет', Он знает только свет». Я хотела улыбнуться: росток, конечно, не скрутит бетон. Но говорить не могла, и просто слушала дальше. Мартин повторил последние строчки, уже медленнее. Слова легко было удерживать в голове. Я перестала считать удары под повязкой, сосредоточилась на его голосе. — Теперь можно, — сказала я и протянула руку. Он промыл царапину. Я шипела сквозь зубы, но не отдергивала. Мартин закрывал рану салфеткой и все время спрашивал: не давит? Такого вопроса я уже неделю ни от кого не слышала. Хотелось ответить гораздо больше, чем «нет», но я боялась опять расплакаться.

Дверь ударилась о раму. Илья стоял на пороге; я узнала его духи раньше, чем подняла глаза. Мартин еще держал конец бинта. — Выйди, — сказал Илья. Я попыталась встать. От резкого движения закружилась голова, пришлось ухватиться за стеллаж. Мартин подхватил

меня за плечи. Не упала — и только. Но Илья увидел именно его руку. Он подошел, схватил меня за запястье возле свежей повязки. Я зашипела от боли. — Ты забыла свое место? Или думаешь, можешь выбирать, кто будет тебя жалеть? Я смотрела на него с таким недоумением, что даже страх на секунду отступил. Мартин перевязал мне руку. Что здесь надо выбирать? — Мне было больно, — сказала я. — А ему нет. Илья не ответил сразу. Ослабил пальцы, потом вовсе отпустил. Я прижала руку к груди. Полосы от его хватки оставались рядом с аккуратной повязкой: очень наглядно получилось. Он вынул визитку и конверт. Бросил на стол. — Операция твоей матери оплачена. Адрес на обороте. Завтра в девять. Без опозданий. Я потянулась к конверту, но Илья уже ушел. Дверь снова хлопнула. Мартин придержал дрогнувший горшок, не сказав ни слова. Только после этого я смогла спросить, действительно ли деньги переведены. Спрашивать было некого — я полезла искать подтверждение в конверте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.